

УДК [821.161.1-3]"18"+929Хвощинская

ЗАБЫТАЯ ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ: СОФЬЯ ДМИТРИЕВНА ХВОЩИНСКАЯ

Е. Н. Строганова

Тверской государственный университет
кафедра истории русской литературы

В статье дан краткий очерк литературной деятельности талантливой писательницы середины XIX в. С. Д. Хвощинской, чьи жизненные установки способствовали её посмертному забвению.

Ключевые слова: *псевдоним, провинциальное общество, гражданская позиция, аналитизм, ироничность повествования*

Многим читателям известна литературная семья английских писательниц сестёр Бронте (Шарлотта, Эмили, Энн), однако мало кто знает, что в России второй половины были сестры-писательницы Хвощинские – Надежда, Софья и Прасковья. Их литературные роли распределились подобно тому, как это было у сестёр Бронте: наибольшую известность получила старшая, Надежда Дмитриевна (1820/1821–1889), талантливая беллетристка, поэтесса, критик, переводчица (В. Крестовский-псевдоним). Наименее плодотворной была деятельность младшей, Прасковьи Дмитриевны, и особой оригинальностью отличалось творчество средней – Софьи Дмитриевны (1824/1825–1865), которая печаталась под псевдонимом Ив. Весеньев.

Сёстры Хвощинские жили в Рязани, которая давала мало возможностей для интеллектуального и творческого развития, но семья, в которой они выросли, не походила на остальное провинциальное общество. По словам современницы, родители Хвощинских были людьми незаурядными. Мать «отличалась от большинства провинциальных дам своею естественностью», отец «был умный, даровитый и замечательно симпатичный человек, пользовавшийся общим уважением»; в их доме «не занимались ни картами, не пересудами, а интересовались литературой, искусствами и общественными вопросами...» [7, № 9, с. 4, 6]. И это оказало существенное влияние на образ жизни и образ мыслей дочерей, в особенности двух старших.

Первоначальное образование С. Д. Хвощинская получила дома, впоследствии воспитывалась в московском Екатерининском институте, где преподаватель словесности отметил её литературное дарование, признав одной из двух учениц, выказавших «особенную» способность к «свободному литературному изложению» [6, с. 131–132]. Но к занятиям литературой Хвощинская обратилась не сразу: с юных лет её больше привлекала живопись. Отец был талантливым рисовальщиком, полученные от него первоначальные навыки она усовершенствовала в институте, а позже продолжила эти занятия более серьёзно. Её работы не собраны, и даже неиз-

вестно, где они находятся, но в семейном архиве сохранились некоторые эскизы и фрагменты картин. Софья и Надежда прекрасно разбирались в живописи, и, по словам их подруги, которая жила среди художников и сама занималась живописью, «понимать и ценить великих мастеров» она выучилась «более всего из <...> разговоров с Хвоцинскими...» [7, № 11, с. 37].

В 1856 г. умер отец, и остро встал вопрос о средствах для существования. Софья Дмитриевна, окончившая институт с первым золотым шифром, имела право занять должность начальницы какого-либо женского учебного заведения, – она решила принять место в Самарской гимназии. Однако этому решительно воспротивилась старшая сестра, стремившаяся предотвратить разорение домашнего очага [2, с. X–XI]. И тогда по её примеру С. Д. Хвоцинская обратилась к литературе, начав печататься в журнале «Отечественные записки», впоследствии и в некоторых других изданиях.

В XIX в. характерными признаками женского письма считались отсутствие интереса к общественной проблематике, эмоциональность стиля, излишнее внимание к деталям, размытость мысли. Всё это не имеет отношения к манере С. Д. Хвоцинской. Её стиль отличается аналитизмом, эмоциональной сдержанностью и ироничностью повествования. Мемуаристка замечала, что сочинения Софьи Дмитриевны «холоднее», чем произведения Надежды Дмитриевны, «её сатира злее, она гораздо объективнее и анатомизирует характеры с равнодушием врача» [7, № 11, с. 36]. Не случайно обращение С. Д. Хвоцинской к жанру нравоописательного очерка, который не предполагал ни излишней эмоциональности, ни перегруженности деталями.

Идейный строй произведений писательницы отвечал демократическим тенденциям времени. Она остро осознавала значительность совершившегося в середине 1850-х гг. исторического перелома и полагала, что «грядущему поколению, для ясного взгляда на прошлое, необходимо будет знать, что такое в самом деле было наше настоящее общество» [5, с. 385]. В своих произведениях она стремилась показать, как в этот переходный период изменялось состояние умов в провинции и зачатки общественного брожения и гражданского самосознания оборачивались нелепым подражанием столичным веяниям. Заметки подобного рода можно найти и в её письмах, например, по поводу дворянских выборов в Рязани: «...что-то сначала показалось новое, доселе небывалое: раздавалось даже слово *прогресс* и *гласность*, начиналось грозно и дельно, [сошло] на мудрое благоразумие, – всё это потонуло в массе крикунов и кончилось обыкновенной пустотой <...> Всё завершилось съеденными стерлядями, выбором людей, которые отведут губернию на десять лет назад» [14, с. 58].

Гражданские идеалы Хвоцинской вполне выразились в биографическом очерке «Александр Николаевич Радищев» (авторство очерка, сданного в цензурный комитет в марте 1859 г., установлено А. П. Могиланским [8, с. 288]). Имя Радищева ещё и в 1850-е гг. фактически было под запретом, поэтому публикация очерка навлекла репрессии на редактора и цензора. Тем более замечательно стремление писательницы высказать своё от-

ношение к личности выдающегося гражданина. В заключение очерка Хвощинская подчёркивает актуальность идей Радищева, и текст её исключительно злободневен сегодня: «...он требовал реформ в законодательстве. Равенство состояний перед законом, отмена телесного наказания, в уголовных делах – введение нового судопроизводства; веротерпимость совершенная; уничтожение крепостного права; прекращение продажи в рекруты <...> и многие другие полезные реформы – вот идеи Радищева <...> нельзя не удивляться ясному уму этого человека. Кажется, что его голос раздаётся между нами, когда после целого полустолетия, многие из его мыслей обратились в животрепещущие, деятельно разрабатываемые вопросы настоящего времени» [1, с. 130].

Одна из центральных тем С. Д. Хвощинской, близкая произведениям её сестры, – противопоставление естественной жизни «простых смертных» общественным условностям, с одной стороны, и книжным премудростям – с другой. Протест против гнёта сословных предрассудков ярче всего выразился в романе «Домашняя идиллия недавнего времени», где показана трагическая история молодых влюблённых. Писательница жёстко расставляет акценты, приводя главную виновницу трагедии к признанию ложности принципов, из-за которых «напряглась и лопнула», «истекая кровью», и её собственная жизнь [3, № 11, с. 121]. В романе «Мудрёный человек» [4] Хвощинская разоблачает пагубное воздействие на личность книжных схем и затверженных правил. Сама писательница так объясняла свой замысел: «Мне хотелось выразить в нём мысль, довольно безнравственную, – ту, что великие добродетели, как-то: смирение, покорность обстоятельствам и воле родительской <...> и проч. расслабляют человека до того, что он не годится жить; <...> что никакая наука не научит ни соображению ни сметливости, если они не врождённые» [14, с. 61]. Искусственным правилам и социальной фальши она противопоставляла правду «простых смертных» – сердечность, участие к ближним и здравый смысл (очерк «Простые смертные», повесть «Сельцо Лысково» и др.).

В одном из лучших своих произведений – романе «Городские и деревенские» [12] – Хвощинская, как и многие другие писательницы, ломает традиционную, отработанную в мужских текстах схему. Интрига выстраивается по тургеневскому («рудинскому») варианту: в усадьбе, где живёт юная девушка, появляется столичный герой, литератор Овчаров, который пытается «развивать» деревенскую барышню Оленьку. Но сюжетная линия развивается вопреки канону. Разрушая литературные стереотипы, писательница создаёт откровенную пародию на героя-«развивателя», который немолод, неинтересен, нехорош собой, но при этом чрезвычайно самонадеян и полагает, что семнадцатилетняя Оленька влюблена в него. Отличен от прежних трактовок и образ уездной барышни, которая показана как заурядная девушка, далёкая от книжной культуры, но при этом обладающая пронизательным умом и верным взглядом на жизнь. Таким образом, и разработка тем, и трактовка персонажей свидетельствует о полемическом отношении писательницы к текстам литературных собратьев, что выразилось в явной перестановке как аксиологических, так и гендерных акцентов.

При жизни С. Д. Хвоцинская сознательно избегала известности и не раскрывала свой псевдоним, но это лишь отчасти объясняется нежеланием шокировать рязанское общество. Основная причина безвестности, которая была запрограммирована самой писательницей, – сверхкритичное отношение к собственному творчеству. Хвоцинская не считала свою деятельность сколько-нибудь значительным явлением, хотя как литературная личность, несомненно, обладала своим неповторимым лицом. После смерти писательницы её установку на безвестность свято соблюла старшая сестра, которая сделала всё, чтобы сведения о ней не появились в печати. Современники с уважением отнеслись к этому запрету, в частности Д. И. Писарев, который готовил некрологическую статью о произведениях С. Д. Хвоцинской, но отказался от публикации [14, с. 64]. Единственный некролог появился в «Иллюстрированной газете», где раскрывалось настоящее имя писательницы и было обещано «в скором времени сообщить более подробные сведения о трудах и значении» Хвоцинской и даже поместить её портрет [10, с. 111–112], однако этому воспрепятствовала сестра. Критик С. С. Дудышкин, сочувственно относившийся к горю Н. Д. Хвоцинской, тем не менее, убеждал её изменить свою позицию: «Мне передано ваше желание, чтобы о Софье Дмитриевне ничего не писать... На этот раз я исполню ваше желание; но согласитесь, что это жестоко с вашей стороны. Будут знать, будут и писать» [11, с. 89]. Однако Н. Д. Хвоцинская не отменила запрета и сама не оставила воспоминаний о сестре. Исключение составляет мемуарный фрагмент о знакомстве сестёр с художником А. А. Ивановым, вошедший в первый очерк из цикла «Мемуары одного читателя» [9]. Известно, что она намеревалась переиздать её сочинения, для чего сделала двухтомную подборку, включающую все журнальные и газетные публикации, кроме статьи о Радищеве. Содержание со сведениями о первой публикации каждого из произведений написано рукой Н. Д. Хвоцинской. В качестве предисловия она намеревалась предпослать главу о С. Д. Хвоцинской (Ив. Весеньеве) из статьи М. К. Цебриковой «Русские женщины-писательницы» [13, с. 12]. Этот замысел остался неосуществлённым. Уникальный двухтомник, который писательница передала Н. К. Михайловскому, в настоящее время находится в библиотеке Бестужевских курсов (в составе Научной библиотеки имени М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета).

Список литературы

1. [Б. п.] Александр Николаевич Радищев [Текст] // Иллюстрация. – 1861. – № 159. – 2 марта. – С. 129–130.
2. [Б. п.] <Биография> / П. Д. Хвоцинская [Текст] // Собрание сочинений В. Крестовского (псевдоним) : в 5 т. – СПб. : А. С. Суворин, 1898. – Т. I. – С. I–XVIII.
3. Весеньев, И. Домашняя идиллия недавнего времени [Текст] / И. Весеньев // Отечественные записки. – 1863. – № 8. – С. 535–566; № 9. – С. 1–82; № 10. – С. 333–402; № 11. – С. 42–121.

4. Весеньев, И. Мудрёный человек [Текст] / И. Весеньев // Отечественные записки. – 1861. – № 6. – С. 249–296; № 7. – С. 1–46; № 8. – С. 301–384.
5. Весеньев, Ив. Плач провинцияла. Декабрь 1861 [Текст] / Ив. Весеньев // Русский вестник. – 1861. – № 11. – С. 366–392.
6. Галахов, А. Д. Записки человека [Текст] / А. Д. Галахов ; вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. В. М. Боковой. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – 448 с.
7. Каррик, А. Из воспоминаний о Н. Д. Хвощинской-Зайончковской (В. Крестовский-псевдоним) [Текст] / А. Каррик // Женское дело. – 1899. – № 9. – С. 3–19; № 11. – С. 36–53; № 12. – С. 60–83.
8. Могилянский, А. П. Анонимная статья о Радищеве 1861 г. [Текст] / А. П. Могилянский // Радищев: Статьи и материалы. – Л. : Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1950. – С. 287–289.
9. Н. Мемуары одного читателя. I / Н.Д. Хвощинская [Текст] // Русские ведомости. – 1880. – № 94. – С. 1–2.
10. Некролог [Текст] // Иллюстрированная газета. – 1865. – 19 авг.– № 32. – С. 111–112.
11. Семевский, В. Н. Д. Хвощинская-Зайончковская [Текст] / В. Семевский // Русская мысль. – 1890. – Кн. X. – С. 49–89.
12. Хвощинская, С. Д. (Ив. Весеньев). Городские и деревенские [Текст] / С. Д. Хвощинская // Свидание: Проза русских писательниц 60–80-х годов XIX века ; сост. В. В. Учёнова. – М. : Современник, 1987. – С. 95–234.
13. Цебрикова, М. Очерк жизни Н. Д. Хвощинской-Зайончковской (В. Крестовского-псевдонима) [Текст] / М. Цебрикова // Мир Божий. – 1897. – № 12. – С. 1–40.
14. «Я живу от почты до почты...»: Из переписки Надежды Дмитриевны Хвощинской [Текст] ; сост. А. Розенхольм и Х. Хогенбом. – Fichtenwalde : Verlag F. K. Göpfert, 2001. – 272 с.

FORGOTTEN BY HER OWN CHOICE: SOPHIE HVOSCHINSKAYA

E. N. Stroganova

Tver State University

Department of the history of russian literature

The paper gives a brief outline of the literary work of talented writers in the middle of the XIX-th century Sophie Hvoschinskaya whose attitudes have contributed to her posthumous oblivion.

Keywords: *alias, the provincial society, citizenship, analytism, the irony of the story*

Об авторах:

СТРОГАНОВА Евгения Нахимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета, e-mail: enstroganova@yandex.ru, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.